

*«...У поэтов так бывает:
Бог дает им свой язык —
Словно радий добывает
Из любви и горя их...»*

В.Савостьянов.

Памяти Анатолия Брагина

Литература в России всегда была делом столицецентричным. Благо в царской России почти все поэты, как и их читатели-почитатели, были сосредоточены в столицах. При советской власти, широко распространившей грамотность, ситуация не изменилась. Кто жил в столице, тот и был знаменит или, по крайней мере, известен. Не берем совсем уж дальние годы, например, 1920-е, но кого из недавних кумиров мы вспоминаем первыми, когда произносим слово «поэт»? Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский. Можно вспомнить и других, но это наша «святая троица». Кто они? «Дорогие мои москвичи...».

Таланты из провинции, так и не пробившиеся в Москву, оставались талантами для внутреннего пользования. Кому из широких слоев читателей были известны те же Александр Плитченко из Новосибирска или Василий Казанцев из Томска, да тот же Николай Рубцов? Юрий Поликарпович Кузнецов, боюсь, так бы и остался мало кому известным поэтом с локацией в Краснодаре, если бы не смог после окончания Литинститута пристроиться в Москве. Даже ленинградские поэты смотрелись тогда поэтами как бы второго плана. Ситуация была понятна: центральные издания, крупнейшие издательства — все сосредотачивалось в первопрестольной. Публикация в центральном литературном журнале стоила книги, да может быть и не одной, изданной в провинции.

Один из провинциальных представителей традиционной поэзии в нашей стране — Валерий Савостьянов из Тулы. Поэт талантливый и в своей Тульской области хорошо известный. А почему не широко в России? Ведь еще при Советской власти у него вышли книги стихов «Товарищ мой» (Москва: «Современник», 1984), «Календарь» (Тула: Приокское книжное издательство, 1984), «Лебедь с девичьим лицом» (Москва: «Современник», 1989), «Деревенская школа» (Тула: Приокское книжное издательство, 1991).

И позднее, с 2003 года, он автор еще 4 книг стихов (все изданы в Туле) и множества публикаций в различных местных, российских и международных (Армения, Белоруссия, Германия, Латвия, Украина) изданиях, в том числе в престижных всероссийских антологиях: «Русская поэзия: XXI век» (М., 2010), Военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было!..» (М., 2010), «Поэзию любят красивые люди» (С.-Пб., 2012), «Молитвы русских поэтов» (М., 2013), а также в антологии тульской поэзии «Наши современники» (Тула, 2008) и в хрестоматии «Три века тульской поэзии» (Тула, 2010).

Существует, однако, в литературе и такое понятие, как везение. Кому-то везет с успехом, кому-то нет. Если посмотреть на литературные регалии В. Савостьянова, голова может кругом пойти, чего там только нет! Лауреатств хватит на добрый десяток литераторов (подробно можно посмотреть на «СТИХИ.РУ» <http://www.stihi.ru/avtor/airi2>). И все заслуженно. Что не так? Талант? Дай бог каждому. Биография? Да, литературная — достаточно заковыристая. Житейская?

Обратите, однако, внимание на разрыв в примерах приведенных публикаций: 1991 г. и далее — с 2003 г. А случилось простая вещь: только стал входить В. Савостьянов в литературную известность поэтом поколения Николая Дмитриева, как случился политический катаклизм — развал СССР. И вместо литературных забот пришлось заниматься элементарным выживанием, семью кто-то должен был кормить.

В. Савостьянов родился в 1949 году и прошел долгий жизненный и творческий путь. Инженер по образованию, технарш по работе, издевавший и черный трудовой рабочий хлеб, он должен был выстраивать свою жизнь так, что долгое время три линии — поэтическая, как веление таланта, интерес к науке, как потребность души, и житейская, как необходимость зарабатывать на жизнь семье, шли рядом. Но, с другой стороны, это опять же традиционно-обыденная ситуация для многих литераторов. Как в прежние времена, так и в нынешние.

Но, может быть, «каждому овощу — свое время»? Недаром когда-то К. Чуковский писал: «Писатель в России должен жить долго».

И вот в 2014 году в Тульском издательстве «Гриф и К» вышла в каком-то смысле итоговая для определенного периода книга нашего автора «Русский крест» — очень сильная по уровню, но не очень ровная по содержанию книга. Правда, автор в послесловии сам признает, что не включил многое из своего творчества: философскую лирику, большую часть любовной, рабочую тему. По поводу отсутствия последней особенно жаль, потому что любовная все-таки отражена в одном из разделов; философия опосредованно прослеживается в большинстве стихов. Что до трудовой тематики, то автором в Интернете выложен цикл стихов, даже скорее, поэма о шахтерах, замечательная поэма, отсутствие которой в сборнике несколько обедняет палитру книги.

Автор готовил книгу к 40-летию своего творчества в 2003 г., а издать удалось только к 50-летию литературной деятельности. Таковы реалии нынешнего литературного — и не только — процесса.

Основной корпус стихов, как упоминает автор в своем послесловии, писался в эпоху 1990-х годов. Что это за эпоха, рассказывать не надо. Позор национального унижения, вакханалия продажи Родины оптом и в розницу, бандитские разборки,

разделы и переломы общенародной собственности олигархами при активной помощи и содействия властей. Не дай бог пережить такое снова! Понятно, чем сердце поэта горело, то он и вложил в свою книгу

В сборнике восемь разделов. Уже из перечисления названий видно, что владеет душой поэта, какая «пламенная страсть»: «Дедовы медали», «Гимн Союзу», «Русская выюга», «И Николай Чудотворец», «Тульский герб», «Девичьи фамилии», «Родословное дерево», «Одиночество поэта».

Что касается «Дедовых медалей», то это так естественно, ведь нет в России семьи, где бы не было погибшего за Родину в годы Великой Отечественной войны. Тема по-прежнему волнует многих. Многие пишут об этом. Но уже не участники войны. Их дети, внуки, которые, конечно, ту войну не видели.

Надо отдать должное В. Савостьянову. Он практически не поддается соблазну описывать войну от первого лица, чем грешил, на наш взгляд, например, столь популярный В. Высоцкий. Поскольку рядовой читатель издавна привык отождествлять лирического героя с автором (тот же С. Есенин, например, приучил, Я. Смеляков, все поэты-фронтовики — если поэт пишет о чем-то, значит, он это пережил, это было с ним), неудивительно, что в свое время ветераны постоянно писали Высоцкому: а не воевали ли мы с вами? А не воевали ли вы там-то и там-то? Актер привык актерствовать и в стихах. Можно, в конце концов, назвать это вживанием в роль. Что, по большому счету, не совсем честно по отношению к читателю (у В. Высоцкого — по отношению к слушателю). В этом плане В. Савостьянов честен предельно. Описание войны у нашего автора только опосредованное: «Фуражка», «Деду», «Дедовы медали», «В доме погибшего летчика», «Солдатка», «Легенда», «С колхозного подвала», «Край рощи перекопан...», «Спор по поводу оврага», «На сборы», «Вторые», «Кладбище в Белграде» и другие.

По поводу второго раздела — «Гимн Союзу», — можно сказать, что это по-прежнему большая тема для многих бывших граждан СССР. Кровоточит эта рана и у В. Савостьянова. Достаточно привести хотя бы одни названия стихов, чтобы догадаться об их содержании: «Нищие», «Дефолт», «Ненависть», «Век волков», «Мечты», «Мечь», «Чтоб России возродиться...», «Канул век» и т.п. Поэт, образно говоря, «пилит опилки», мучается прошлым. Но изменит ли что-то поэтическая констатация свершившегося краха? Нет, поэтому остается только сожалеть о том, что было и чего уже никогда не будет. Страница истории перевернута, и нужно отдать историкам и политика миссию осмысления того, что было. Потому что эмоции притупились. И надо идти дальше.

И как не мечтать после разорения и покорения страны «героями кошелька», космополитичными «нефлесосами» и прочей гнилой пеной о единстве и победе над темными силами? Неудивительно поэтому частое обращение В. Савостьянова в третьем разделе, «Русская выюга», к святой для нас теме Куликовской битвы, переломившей трагический ход русской истории и из глубины времен дающей нам надежду на новое возрождение: «Брат», «Засадный полк», «Донской», «Троица»... Тем более, что произошла эта битва на Тульской ныне земле. А Тула, Тульская земля теперь уже испокон веков была и есть защитницей России, ее оружейной кузницей.

«И Николай Чудотворец», может быть, один из самых сильных разделов книги, а беря шире — одна из самых сильных тем В.Савостьянова. То ли с возрастом человек становится ближе к небу, то ли пробуждаются от советской спячки коренные духовные основы бытия русского человека, но что есть, то есть.

*Не гаси мою свечу,
О, Всемилостивый Боже —*

Я еще воспеть хочу
Ту любовь, что всех дороже.

Ту любовь, что даришь мне
В пору старости бесплодной —
К сыновьям моим, к жене,
К нашей кошке беспородной.

И к рассаде, и к цветам,
На окне моем живущим,
И к сияющим листам,
Строчки новые зовущим...

Не веди меня казнить —
Я иду, не зная броду.
Дай мне что-то объяснить
Драгоценному народу!

Что — пока не знаю сам.
Но в годину испытаний,
Верю, дашь моим устам
Нежность словосочетаний,—

Чтоб не ядом напитать,
Не отмицением, не болью,
Чтоб молитвой отшлепать,
Чтоб спасти его любовью!.. («Не гаси мою свечу»)

Почему Николай Чудотворец? Издавна этот святой был самым популярным персонажем в народном сознании, почти в каждой избе имелись его иконы. Недаром иностранцы называли Николая русским богом.

Сельское детство, ромашковый рай.
Пристально смотрят с околиц
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Годы студенчества. Угольный край,
Шахты опасный колодец.
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Свадьба запела — ты ей подпевай.
Водочку пьют и ликерец
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Звон колокольный
Сыновьих сердец.
Что же взамен, комсомолец?

*Дед умирает. Остался отец.
И Николай Чудотворец...*

*Лень сыновьям постоять у икон —
Вырастет грех твой, утрясь.
Дед и отец — далеко-далеко.
Лишь Николай Чудотворец...*

*Снится:
Урая — раскаянья грай,
Толпы молящего люда.
Каждому нужен Святой Николай,
Каждому хочется Чуда!*

*— Эй, богомолец с терновым венком,
Что так угрюмо молчишь ты?
Что-то ведь понял ты, став стариком?..
— Что Николаич я. Трижды!.. («И Николай Чудотворец»)*

Идет разговор с читателем о вечном. И это читается с большим интересом, поскольку и это дает надежду на лучшее в нашей жизни, пусть и в будущем. Можно сказать, что это наша национальная идея — счастливое будущее. Правда, каждый понимает это по-своему: «...Сыны эпохи сталинской И брежневская рать, Пора той церкви старенькой Нам камни собирать». («Пора!»)

Многие сейчас пишут на религиозную тематику, о религии, о церкви, но, к сожалению, что называется, в лоб, путем простого набора церковных терминов — и выглядит это часто до невозможности плоско и глупо. Но сколько ни говори: халва, халва,— во рту слаще не станет. Здесь другое. Не знаю, религиозен ли В. Савостьянов, но о высшем он говорит с вдохновением.

*...И растить ощущение полета,
И с надеждой смотреть в небеса,
Где мерцающий крест самолета
И где ангельских труб голоса...»
(«...А когда я душой неспокоен...»)*

А вот раздел «Тульский герб». Что приходит в голову при слове «Тула»? Самовар, ружье, Левша, пряник, наконец. В. Савостьянов не разочаровывает, обыгрывая в первом же стихотворении этого раздела упомянутый тульский пряник: «Мир порою Тусклый-тусклый, В пресном сереньком чаду, Но купите пряник тульский, Пряник тульский на меду. И, вскрывая неторопко, Не спешите разломить: Может вас уже коробка Красотою изумить...».

В самом лучшем смысле слова поэт топографичен. У него очень много привязок в стихах к местным названиям, местам: «Тульский герб», «Река Воронка», «Рабочий полк», «Плач по Успенской колокольне», «В сквере коммунаров», «Тульская земля», «Город мой с душой железной», «На улице Рязанской» и другие. В этом разделе В. Савостьянов — поэт областного уровня. Он прочно укоренен в своей земле. Он ее любит. Это сильная сторона творчества. Хотя, например, стихотворение «Тридцать восемь тысяч с половиной» о погибших на Великой Отечественной войне туляках поднимается на уровень выше, чем областной, на уровень обобщений: «Над землей родною, Над былинной, Тридцать восемь тысяч с половиной Муромцев, Поповичей,

Добрынь — Вместе с нами Русское раздолье Сторожат от горя И раздора. И попро-
буй нас располовинь!..»

В другом стихотворении автор не принимает догмы прежних лет, клеймя Ивана Болотникова за то, что вел «Отечество в болото», вешает на вчерашнего «выразителя интересов простого народа» грехи Смуты («Откровенный разговор с Кремлем»). Правда, можно заметить на это, что все мы сильны задним умом.

Но поэт чуток и нежен, когда говорит о земляке — Вячеславе Невинном («Слава»), соединяя имя артиста со славой края.

Но не забывает и тех, кто создал трудовую славу Тулы: «Где народ не весь грешит из-за гроша... И таланты почитая, а не злато, Сердцем чувствуя, что злато — демон злой...». И заканчивает почти молитвой: «Что еще просить? — Помолимся же Богу, Благодарные за роскошь мастерства! Здравствуй, удаль — не задиристых, а смиренных! Здравствуй, удаль, что в годину нищеты Для себя из всех изделий ювелирных Оставляет лишь нательные кресты!» («Удаль»).

Поэт живет еще советскими категориями: говорит о дружбе народов, замененной ныне хладнокровной толерантностью, и в стихотворении «Монумент» рассуждает об армяно-русских связях.

А отличное стихотворение «В Пушкинском сквере» можно рассматривать и как уличную зарисовку и как гимн русскому языку: «Здесь пьянчужки пьют, и пьют повесы С дамами, не склонными к стыду... В этом сквере Пушкинском поэты Раз в году, всего лишь раз в году. Солнышко высушивает лужи. Исчезают нехотя бомжи. Отдыхают пушкинские уши От косноязычия и лжи. Ах, как рад он слышать в гуле улиц Строчек поэтических парад: Наконец-то русские вернулись И на чистом русском говорят!..» Вот почему В. Савостьянов — поэт традиционный, он тоже говорит на чистом русском языке.

Автор во многих стихах полон ностальгии об ушедшей юности («Адрес»). Стихотворение тронет всех, поскольку все мы были когда-то юными: «Как друзей своих рисковых И подружек поселковых Сладко вспомнить имена, Так же сладко, — уж поверьте! — Прочитать мне на конверте: «Доменная, 1А»... Что же было там такое? Труб дыханье заводское, Клуб строителей, Шпана, Нос, разбитый в первой драке, Рай «хрущевок» И бараки. «Доменная, 1А»... И велик, не испоганен, Жив Союз! И жив Гагарин, Цель ближайшая — Луна!.. Выпускной — увы! — в спортзале: Зала нет. Но есть медали! «Доменная, 1А...»

Повторюсь, в этом разделе В. Савостьянов выступает как самый крупный поэт Тульской земли. Неудивительно, что весь тираж книги выкупила областная администрация и бесплатно распределила во все библиотеки области. Хорошо, что не все главы регионов делают ставку в своей работе с обществом только на спортивную часть. Кое-кто, на удивление, понимает, что необходима и духовная составляющая жизни народа.

А о разделе «Девичьи фамилии» можно просто говорить цитатами, поскольку как еще передать стихи о любви? «А школьные двери отпели Нам так неожиданно, вдруг. И праздничных платиц метели Навеки умчали подруг...» («Девичьи фамилии»). «И вновь на тропочке туманной, Где скал алеющий оскал, Пел голос женщины желанной — И от себя не отпускал! И было так невыносимо, Что на ветру — она поет, И шторма яростный басина — Ей высказаться не дает!..» («Там где волны биенье злое»). «...В твой театр хожу я, Жду антракта — До сих пор дарю тебе цветы. Друг звонит. У друга — два инфаркта. И один из них — похоже, ты...» («Актриса»). «...И нежность вспыхнет заново, Лишь в памяти найду Флейтистку из Чертанова В Царицынском саду. Как звать: Аленой, Светою? — Не скажет мне она, А скажет лишь, что флейтою Всерьез увлечена! И что шедевр Баженова И грусть дворцовых ив — Рождают в ней божественный Лирический мотив!...» («Флейтистка из Чертанова»).

Чем старше человек, тем больше интересуется его родословная: предки, родители, жена, дети, родня. Т.е. то, что укореняет любого на этой земле, дает ощущение большой семьи и любви самых близких; быстротечности жизни и печали от невозможности удержать ее бег; наступающее смирение при приближении неизбежного.

Самый большой раздел книги — седьмой — «Родословное дерево». Языком поэзии знакомит нас автор с чувствами и мыслями прожившего большую жизнь человека. Вот детство: «Залезал я на сарай, Чтобы, став повыше ростом, Посмотреть на дивный край, Что за речкой и погостом. И казалось мне тогда: Это место — вроде рая, Потому-то все туда И уходят, умирая. В родниках, в колодцах тех Есть волшебная водица — Лишь одна она годится, Если болен человек. И, омыв печальный лик, Прежде бывшие седыми — Возвратятся молодыми И старуха, и старик. Перельется юный свет В них, отравленных тоскою... У сарая кашлял дед, Глядя в даль, что за рекою». («Залезал я на сарай»). А вот и неизбежное: «Смерть идет в атаку любовую. Но пока мы — внуки и сынки, Держат оборону круговую Доблестные наши старики... Но уже в могильные траншеи Бабушки и дедушки легли. Тех могил зияющие шрамы — Лишь начало, — дух свой укрепи: Видишь, наши папы, наши мамы В поредевшей тоненькой цепи. Долго ль оборону круговую Сдержит их усталый батальон? Смерть идет в атаку штыковую!.. Вот и твой солдатский медальон...» («Вечный зов»). И о невосполнимом: «Мамочка, ты хоть немножко рада, Легче тебе, мама, хоть чуток? — Глянь: твоя могильная ограда, Словно распустившийся цветок! Выкрашены лавочка и столик... И когда к автобусу иду, Оглянусь, — и веселее, что ли? — Будто бы закрасил я беду. Будто потому, что крест не ржавый, А, как мамин локон, вороной, Уж теперь Ни с нашею державой Не случится худа, Ни со мной...» («Мамочка, ты хоть немного рада»). И остаются только воспоминания: «Замело деревню: избы, риги, Света нет — лишь светлячок свечи. Вынимала бабушка ковриги, Круглые, большие, из печи... Обрядили бабушку в обнови Смертные, Отпел ее собор — И такого вкусного, Ржаного Не едал я хлебушка с тех пор...». («Замело деревню»).

Последний, восьмой, раздел «Одиночество поэта»: любой крупный поэт так или иначе осмысливает свои взаимоотношения с коллегами по литературному цеху: предшественниками, поэтическими учителями, ровесниками и учениками, пытается определить свое место в этом строю. Поэтический дар В. Савостьянов воспринимает как проклятье: «...И проклянет — свой дар, Свой труд, Где никакой зарплаты: Стихи не сеют, мол, не жнут — И не годятся в сваты! И вспомнит мамины бинты, Огонь отцова горна...

А Бог посмотрит с высоты — И засмеется горько!..» («Сын кузнеца и медсестры»). Более того, поэт обречен на одиночество: «Все поэты одиноки — Богом так заведено. Каждый сам в дремучей чаще Свою тропочку торит, Каждый крест свой тяжкий тащит — И никто не пособит...». («Одиночество поэта. Памяти Николая Дмитриева»). И это поэтическое «счастье» может закончиться трагически, как это не раз бывало в русской литературе: «Почти чужой, Почти родной, Ни франтом не был ты, Ни хватом — И вот стоишь передо мной В своем костюме мешковатом. Стоишь и хмуришься: «Шалишь! Опять неискреннее слово!..» За день до выстрела стоишь, До рокового...». («Боль. Памяти Александра Толмачева»). Поименно вспоминает того или другого своего товарища: Бориса Голованова, Анатолия Брагина, Николая Дмитриева, Юрия Щелокова, Владимира Большакова, — посвящая им проникновенные строки. Да и вообще В. Савостьянов — благодарный поэт и человек: он в своей книге отдельным списком вспоминает всех литераторов, критиков, поэтов, журналистов, редакторов, с кем так или иначе соприкасался на своем творческом пути.

Особое чувство В. Савостьянов испытывает к поэту-фронтовику Н. Старшинову, считая его крестным отцом, благословившим в большую литературу, и которому посвятил не одно благодарственное стихотворение: «Рекомендация», «Смерть Старши-

нова», «Старшиновская пехота». И трепетно вспоминает не дожившего до старости Николая Дмитриева...

Завершается раздел и книга стихотворением «Поэзия — хлебом не кормит...»:

*Поэзия — хлебом не кормит,
Воды — не дает ни глотка.
Порою творцов своих портит,
Дав повод смотреть свысока.
Безделица и заморочка,
И вроде б никчемный предмет.
Но в горе припомнится строчка —
И вытащит сердце на свет!..*

И к этому уже ничего не добавить, ни прибавить... Кроме того, что в конце 2015 года в Туле вышло второе издание «Русского креста» Валерия Савостьянова.